

МИРА ЛИНЧ

Мира Линч

**Мужчина, которого
я должна убить**

«Литнет»

2026

Линч М.

Мужчина, которого я должна убить / М. Линч — «Литнет», 2026

Криминальный психолог Ева Морозова получает дело серийного убийцы, которого пресса прозвала Архитектором. Он не оставляет случайных жертв, тщательно планирует каждое преступление и неизменно выбирает людей, связанных с одной давней операцией, о которой официально не существует никаких сведений.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина перед счётом	5
Глава 2. Дорога в никуда	13
Глава 3. Дом в лесу	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. Тишина перед счётом

Ледяной ветер с Невы просачивался сквозь щели в старом деревянном окне, заставляя Еву Морозову кутаться в шерстяной плед, хотя в кабинете было не меньше двадцати двух градусов. Она сидела в своем любимом кресле, стоящем так, чтобы видеть одновременно и дверь, и окно, и отражение в стекле книжного шкафа, где можно было заметить любое движение сзади. Привычка, выработанная годами работы в криминальной психологии, да и просто инстинкт самосохранения, который когда-то, кажется, спас ей жизнь, хотя она не помнила ни обстоятельств, ни даже самого факта спасения.

В руках Ева держала коричневую папку без опознавательных знаков, настолько тонкую, что внутри едва умещались несколько листов бумаги. Дрожащими пальцами она провела по шероховатой поверхности обложки, чувствуя, как подушечки касаются почти невидимых вмятин — следов от скрепок, которые держали документы много лет назад. Обычно материалы по серийным делам весили по два-три килограмма, занимали целые коробки, требовали дней и ночей изучения. Здесь же было всего пять страниц, и каждая из них заставляла кровь в жилах стечь быстрее, чем невольский ветер.

«Архитектор», — прочитала она заголовок, набранный стандартным шрифтом в верхней части первого листа, и усмехнулась собственной глупой реакции. Пресса обожала давать убийцам пафосные прозвища. Потрошители, Хирурги, Художники. Теперь вот Архитектор. Казалось бы, что тут особенного, очередное клише, очередная попытка журналистов продать сенсацию. Но от этого имени по позвоночнику пробежала такая острая дрожь, словно кто-то провел лезвием по голой коже.

Она перевела взгляд на фотографию, прикрепленную к первому отчету. Мужчина лет пятидесяти, с правильными чертами лица и сединой на висках, лежал на полу собственной гостиной, руки аккуратно сложены на груди, глаза закрыты, а вокруг головы на паркете был выложен круг из свечей. Не восковых, не церковных — обычных парафиновых, купленных в ближайшем супермаркете. Ева знала, что свечи находили на каждом месте преступления Архитектора, и всегда в количестве сорока девяти. Число семь в квадрате. Символ, который убийца вплетал в свои ритуалы с маниакальной последовательностью.

Первый лист сообщал, что погибший, Дмитрий Сергеевич Ковалев, был в прошлом полковником ФСБ, вышел в отставку пятнадцать лет назад и вел тихую жизнь на пенсии, растил внуков, ездил на рыбалку. Никаких врагов, никаких долгов, никаких тайн, которые могли бы стоить жизни. И все же кто-то вошел в его квартиру в охраняемом доме, прошел мимо сигнализации, камер и собак, и убил человека с такой изощренной аккуратностью, что патологоанатомы сперва приняли это за естественную смерть.

Ева перелистнула страницу, и сердце пропустило удар. Вторая жертва, сорок девять свечей, та же поза рук. Женщина, шестьдесят два года, бывший майор медицинской службы, работала в ведомственном госпитале. Третья — мужчина, пятьдесят семь лет, кадровый офицер ГРУ. Четвертая — еще один отставник, на этот раз из МВД. Все они были связаны, но как — в отчете не говорилось. Там вообще не говорилось почти ничего, кроме сухих фактов: даты смерти, способ убийства, странные детали с сорока девятью свечами и аккуратно сложенными руками.

Ева откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Запах старой бумаги смешивался с ароматом ее духов, сандалом и ванилью, который всегда успокаивал, но сегодня не работал. В голове крутилась какая-то мысль, ускользающая, как рыба в мутной воде. Она знала, что должна увидеть здесь что-то важное, но память подводила, оставляя лишь смутное ощущение дежавю.

— Ева Сергеевна, — раздался голос из динамика селектора, и она вздрогнула так сильно, что папка выскользнула из рук и упала на пол, рассыпав листы.

— Да, — ответила она, наклоняясь, чтобы собрать бумаги, и чувствуя, как стучит в висках кровь. — Слушаю.

— К вам капитан Кротов из следственного отдела, — произнесла секретарша со своим обычным ледяным тоном. — Говорит, что вопрос жизни и смерти.

Ева усмехнулась. Вопрос жизни и смерти — так Кротов называл любую встречу, если ему требовалось срочно обсудить результаты экспертизы или свежие показания свидетелей. Драматичный до мозга костей, Игорь Кротов был из тех оперативников, которые видели слишком много дерьма за свою карьеру и научились относиться к работе с циничным юмором, который Ева, как психолог, находила одновременно тревожным и необходимым для выживания в их профессии.

— Пусть заходит, — сказала она, убирая листы обратно в папку и пряча ее в ящик стола, под замок.

Дверь открылась, и в кабинет ввалился Кротов — высокий, худой, с вечно взлохмаченными русыми волосами и синяками под глазами, которые делали его похожим на панду, только гораздо более агрессивного. Он был в своем обычном мятом пиджаке, который, кажется, не стирали со времен Советского Союза, и держал в руках планшет с какими-то схемами.

— Ева, ты должна это увидеть, — сказал он, не здороваясь и не садясь, просто застыв посреди кабинета с таким видом, словно только что увидел пришельца. — Свежая жертва Архитектора. Игорь Викторович Соболев, пятьдесят девять лет, бывший подполковник спецслужб. Нашли сегодня утром, в его загородном доме.

Ева почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Пятая жертва. Она слышала о предыдущих, но не была официально подключена к расследованию, пока начальство не решило, что психологический портрет убийцы необходим. Теперь же, когда новые материалы легли на ее стол, она понимала, что это дело будет преследовать ее до тех пор, пока она либо не раскроет его, либо не сойдет с ума.

— Рассказывай, — сказала она, жестом приглашая его сесть. — Что особенного в этом Соболеве?

Кротов рухнул на стул напротив и провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть усталость.

— Все то же, что и у остальных, — ответил он, и голос его дрогнул. — Аккуратно уложен, руки сложены, свечи. Но есть одна деталь. В этот раз он оставил послание.

— Какое послание? — Ева подалась вперед, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь, заставляя сердце биться чаще. — Записку? Символы?

— Хуже, — Кротов щелкнул пальцем по планшету, и изображение развернулось на весь экран. — Он оставил фотографию. Фотографию, сделанную в операционном отделе какой-то военной части. На ней люди в форме, они стоят группой, улыбаются в камеру. И один из них — Соболев. Но вот в чем дело: кроме Соболева, на снимке еще четверо мужчин. Тех самых, первых четырех жертв.

Ева смотрела на экран, и мир вокруг нее начинал плыть. Она узнавала лица — черные, белые, размытые временем, но такие знакомые, будто видела их в каком-то другом контексте, в другой жизни. Мужчины на фотографии были молодыми, полными сил, в военной форме с погонами, которые она не могла разобрать из-за зернистости снимка.

— Кто они все? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто эти люди?

Кротов пожал плечами и убрал планшет, пряча его под мышку.

— В том-то и дело, что никто не знает, — сказал он. — Все документы по операции, к которой они имели отношение, уничтожены. Мы пытались поднять архивы, но там черная дыра. Военные отмалчиваются, ФСБ делает вид, что ничего не знает. Единственное, что уда-

лось выяснить — эта группа работала по какому-то делу где-то в конце девяностых, начале двухтысячных. И все они были в составе секретного подразделения, которое официально не существовало.

Ева сглотнула. В горле пересохло, язык казался ватным. Она хотела спросить что-то еще, но слова застревали где-то в груди, не в силах пробиться наружу.

— Ева, — сказал Кротов, внимательно глядя на нее своими пронзительными глазами, — с тобой все в порядке? Ты побледнела.

— Все хорошо, — соврала она, но голос ее сорвался на хрип. — Просто... эти лица. Мне кажется, я видела их раньше. Где-то, но не могу вспомнить.

Кротов нахмурился и открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент зазвонил мобильный телефон. Он глянул на экран и изменился в лице, став бледнее белой бумаги, что лежала на столе Евы.

— Что такое? — спросила она, но Кротов уже поднес трубку к уху и слушал, не произнося ни слова. Через несколько секунд он медленно опустил руку и посмотрел на Еву так, словно только что узнал, что она смертельно больна.

— Это был начальник отдела, — произнес он тихо, почти шепотом. — Ева, в списке жертв Архитектора появилось новое имя. Только что подтвердили по оперативным каналам.

Ева замерла, чувствуя, как ледяной ветер с Невы проникает в самое сердце.

— Чье? — спросила она, хотя уже знала ответ. Знала, словно прочитала его в каком-то забытом сне.

Кротов посмотрел на нее, и в его глазах была такая боль, что Ева поняла все, не дожидаясь его слов. Какая-то часть ее сознания, та, что всегда держала оборону, та, что привыкла анализировать и раскладывать по полочкам, пришла к выводу мгновенно.

— Твое, — сказал Кротов. — Следующая жертва Архитектора — ты.

Ева Морозова сидела неподвижно, чувствуя, как мир вокруг начинает рушиться, как стекло, в которое бросили камень. Тысячи мелких трещин разбегались от центра, и она видела, как они растут, слышала их звон. В голове проносились обрывки воспоминаний, бессвязных и пугающих: темный коридор, звук выстрела, чей-то крик. И мужской голос, произносящий ее имя.

Она не помнила, чей это был голос. Но знала, что должна была помнить.

— Ева, — сказал Кротов, протягивая руку, словно хотел ее коснуться, но в последний момент остановился. — Это не шутка. Тебя нужно спрятать. Сейчас же. У нас есть программа защиты свидетелей, мы можем организовать...

— Нет, — перебила она, вставая и чувствуя, как ноги подкашиваются. — Нет, я никуда не пойду. Я останусь здесь.

— Ты что, с ума сошла? — Кротов тоже встал, схватив ее за плечо, и его пальцы впились в кожу сквозь тонкую ткань блузки. — Этот псих убивает людей по одному, снимает их как на конвейере! У него нет жалости, нет логики, ничего!

— Есть, — тихо сказала Ева, глядя ему в глаза, и в ее голосе зазвучала сталь, которой она не знала в себе раньше. — Логика есть. Семь на семь — сорок девять. Он оставляет сорок девять свечей. А следующая жертва — я. Вопрос только в том, почему. Почему меня оставили на десерт, Игорь? Почему он не убил меня первой, если я в этом списке?

Кротов отдернул руку, словно обжегся, и в его лице появилось выражение, которое Ева не могла расшифровать. Страх? Стыд? Или вина?

— Мне нужно знать, что это за операция, — сказала она, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Кто эти люди? Что они сделали? И какое отношение имею к этому я?

— Ева, я не могу тебе этого сказать, — выдавил из себя Кротов, отводя взгляд. — Я сам не знаю. Все, что мне известно — тебя в списке нашли случайно, при анализе старых бумаг, которые кто-то пытался уничтожить. Твое имя было подчеркнуто красным.

Она смотрела на него и чувствовала, как стены кабинета начинают сужаться, как воздух становится густым и горячим, как кровь стучит в висках, отбивая ритм, который звучал в ее голове еще до того, как она родилась на свет.

— Игорь, — сказала она, и в ее голосе прозвучала такая безнадежность, что даже ей самой стало страшно. — Я должна знать. Если я следующая жертва, я имею право знать, за что меня собираются убить.

Кротов молчал долгую минуту, затем медленно выдохнул и сел обратно на стул, закрыв лицо руками.

— Хорошо, — произнес он глухо. — Я расскажу тебе все, что знаю. Но предупреждаю: это не та история, которую можно забыть. Если я скажу тебе это, ты не сможешь жить как раньше.

Ева кивнула, чувствуя, как холодная дрожь пробегает по позвоночнику.

— Я готова.

Кротов поднял глаза, и в них был такой ужас, что Ева поняла: она только что переступила черту, за которой нет возврата.

— Десять лет назад, — начал он, — проводилась секретная операция под кодовым названием «Архитектор». Но это совсем не та операция, которую ты думаешь. «Архитектором» называли одного из членов группы. Человека, который строил сложнейшие схемы, переплетал жизни, сводил с ума и уничтожал. Твой отец был частью этой операции.

Ева почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Мой отец погиб, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он погиб в автокатастрофе десять лет назад.

Кротов покачал головой, и в его глазах блеснула непрошенная влага.

— Нет, Ева. Твой отец не погиб в автокатастрофе. Его убили. И ты была там, в ту ночь. Ты была свидетелем.

Мир замер, звуки исчезли, осталась только пульсирующая тишина, в которой билось ее собственное сердце, гулко и неровно. Ева открыла рот, чтобы сказать что-то, но не смогла произнести ни слова.

Вместо этого она повернулась к окну, где ветер с Невы хлестал по стеклу, и увидела в отражении свое лицо — бледное, испуганное, с глазами, в которых плескалась такая бездна ужаса, что она едва узнала себя.

И в тот же миг в ее мозгу вспыхнула картина, разорвавшая туман забытья: ночь, холодный свет луны, бегущие по коридору люди, чей-то крик, выстрел. И лицо мужчины, который смотрел на нее сверху вниз, сжимая в руках пистолет. Он был красив, этот мужчина, с жесткими чертами и глазами, которые горели как угли.

— Я должен тебя спасти, — сказал он, и его голос эхом отозвался в ее душе, заставив содрогнуться. — Пожалуйста, запомни только одно. Ты никому не должна рассказывать, что видела меня сегодня.

Она хотела спросить его имя, но он уже исчез, растворился в темноте, оставив ее одну с телом отца у ног.

Ева зажмурилась так сильно, что в глазах заплескали звезды. Когда она открыла их снова, Кротов стоял перед ней, держа за руку, и в его взгляде было столько сострадания, что она чуть не разрыдалась.

— Ева, прости, — сказал он. — Я должен был сказать тебе раньше. Но нам нужно действовать быстро. Ты не в безопасности.

— Я знаю, — прошептала она, чувствуя, как что-то внутри нее меняется, ломается, перестраивается на новый лад. — Я знаю, кто убил моего отца.

Кротов замер, и его пальцы сжались на ее руке сильнее.

— Что? Кто?

Ева посмотрела на него, и в ее взгляде горела такая ненависть, что Кротов невольно отступил на шаг.

— Александр Воронов, — произнесла она, и это имя обожгло ей губы, словно раскаленное железо. — Человек, которого я должна убить.

Кротов смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Тишина в кабинете стала тяжелой, звенящей, как струна, натянутая до предела.

— Откуда ты знаешь это имя? — наконец спросил он, и голос его дрогнул. — Ева, откуда ты знаешь это имя?

— Я не знаю, — ответила она, проведя дрожащей рукой по лицу. — Я просто сказала его. Оно пришло само, как будто всегда было там, в глубине, под слоем песка, который я пыталась разгрести много лет.

Кротов отвернулся к окну, и его плечи напряглись.

— Саш... Александр Воронов, — произнес он медленно, разжевывая каждое слово. — Владелец «Ворон-Секьюрити», крупнейшей частной охранной корпорации в стране. Бывший сотрудник спецподразделения ГРУ, участвовал в десятках операций, его имя известно в определенных кругах. Но убийца? Ева, это невозможно.

— Почему? — Ева встала и подошла к нему, вглядываясь в отражение его лица в стекле. — Потому что он богат? Потому что у него репутация? Или потому что ты знаешь его лично?

Кротов вздохнул и медленно повернулся, встречаясь с ней взглядом.

— Потому что именно он спас тебя в ту ночь, — сказал он тихо. — Твой отец был в операции «Архитектор», но не как жертва, а как один из участников преступной схемы, которую мы пытались раскрыть. Воронов был внедрен в группу и должен был ликвидировать всех, включая твоего отца. Но он не смог. Он убил других, а твоего отца хотел взять живым. И когда все пошло не по плану, когда началась стрельба, когда ты оказалась в эпицентре... он вынес тебя оттуда. Он спас тебе жизнь.

Ева смотрела на него, чувствуя, как слова Кротова врезаются в сознание, оставляя глубокие шрамы.

— Значит, он не убивал моего отца? — спросила она, и внутри затеплилась крошечная искра надежды.

Кротов покачал головой.

— Я не знаю, Ева. Твой отец погиб в той перестрелке. Кто именно нажал на курок — неизвестно. Но Воронов вытащил тебя, дал тебе новую жизнь, оградил от всех этих ужасов. Он стер тебе память, чтобы ты смогла жить нормально. Он заплатил за это своей карьерой, своим будущим.

Ева прислонилась к подоконнику, чувствуя, как холод от стекла проникает в кожу.

— И теперь он пришел за мной? — спросила она. — Зачем?

Кротов тяжело вздохнул.

— Он не пришел за тобой, Ева. Он пришел, чтобы защитить тебя. Архитектор, тот, кто убивает сейчас, — это кто-то другой. Кто-то из тех, кто знал о той операции и о том, что ты видела. Воронов знает, кто убивает. И он будет охотиться на этого человека, даже если ему придется убить всех на своем пути. Но он не сможет сделать это в одиночку.

Ева закрыла глаза, и перед ее внутренним взором снова возникло лицо мужчины из сна — прекрасное и жестокое, с глазами, в которых горел огонь. Она чувствовала, как память возвращается кусками, как мозаика, которую кто-то жестоко разбил, но теперь она складывается заново.

— Где он? — спросила она, открывая глаза. — Где сейчас Александр Воронов?

Кротов подошел к ней и положил руки ей на плечи, заставляя посмотреть в глаза.

— Он ждет тебя, — сказал он. — Он приедет сегодня вечером. И если ты хочешь выжить, ты должна будешь пойти с ним.

Ева смотрела на него, чувствуя, как все ее существо разрывается между страхом и странным, почти болезненным любопытством.

— И ты доверяешь ему? — спросила она.

Кротов усмехнулся горько, и в его улыбке было столько боли, что Ева поняла: он знает о Воронове больше, чем говорит.

— Я доверяю ему так же, как ты доверяешь своему сердцу, — ответил он. — Иногда это самая опасная вещь, которую ты можешь сделать. Но без нее ты просто труп.

В этот момент зазвонил телефон Кротова, резко и требовательно. Он взглянул на экран и побледнел, потом нажал кнопку ответа и поднес трубку к уху.

Слушал он всего несколько секунд, но за это время его лицо успело сменить все оттенки серого, от бледного до пепельного.

— Хорошо, — сказал он, и голос его сел. — Я понял. Мы будем на месте через полчаса.

Он отключил звонок и посмотрел на Еву с такой безнадежностью, что она почувствовала, как ее собственное мужество начинает таять.

— Что случилось? — спросила она.

Кротов сжал ее плечи с такой силой, что она чуть не вскрикнула.

— Архитектор нанес удар, — сказал он хрипло. — Только что взорвали машину Костикова, начальника архивного управления. Он вез документы по операции «Архитектор» к нам в отдел.

Ева замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Документы уничтожены?

— Нет, — Кротов покачал головой, и в его глазах мелькнула странная искра. — Костиков успел их передать. Они у нас. И в них есть твое имя, Ева. Имя твоего отца. И имя Александра Воронова. Теперь у нас есть ключ к разгадке. Но если Архитектор узнает, что документы у нас...

— Он придет за ними, — закончила Ева, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — И за нами.

Кротов кивнул, и в его движениях появилась та резкость, которая бывает у людей, привыкших действовать в экстремальных ситуациях.

— Мы уходим, — сказал он. — Прямо сейчас. Я отвезу тебя в безопасное место, а потом мы решим, что делать дальше.

Ева схватила свою сумку, на ходу запихивая в нее телефон и ключи. Она не знала, что ждет ее впереди, но чувствовала одно: то, что должно было случиться в ту ночь десять лет назад, наконец догоняет ее.

Они выбежали из кабинета, пронеслись по коридору, мимо ошарашенных сослуживцев, и выскочили на лестницу. Ева спускалась за Кротовым вниз по ступеням, и каждый шаг отдавался в груди глухим стуком.

В вестибюле их ждала группа вооруженных людей, которых она никогда раньше не видела. Они стояли молча, с каменными лицами, и в руках держали автоматы.

— Это мои люди, — сказал Кротов, заметив ее испуганный взгляд. — Не бойся.

Но Ева не боялась. Она чувствовала странное спокойствие, которое приходит только тогда, когда человек решается на что-то, от чего не может отказаться. Она знала, что идет в неизвестность, но что-то внутри нее подсказывало: именно там, в этом темном тоннеле, ее ждет ответ.

Они вышли на улицу, и холодный ветер с Невы ударил в лицо, отрезвляя, прогоняя последние остатки тумана из головы. Ева подняла глаза к небу, серому и тяжелому, полному снега, который вот-вот должен был обрушиться на город. И в этом сером небе ей почудилось лицо мужчины с горящими глазами.

— Александр, — прошептала она одними губами, чувствуя, как имя обжигает ее, как клеймо, которое нельзя смыть. — Я найду тебя.

И в тот же миг что-то изменилось вокруг. Раздался оглушительный хлопок, и автомобиль Кротова, стоявший в десяти метрах от них, взорвался, разбрасывая осколки и пламя.

— Ложись! — закричал Кротов, бросаясь на Еву и прижимая ее к земле, но она уже видела фигуру на крыше соседнего дома, смутный силуэт, который на мгновение замер, а затем исчез.

— Он здесь, — сказала она, задыхаясь от дыма и горечи. — Архитектор здесь.

Кротов рывком поднял ее на ноги и потащил в сторону подземного перехода, крича своим людям, чтобы они прикрывали отход. В ушах звенело, сердце колотилось где-то в горле, но Ева бежала, чувствуя, как ноги наливаются свинцом.

Они спустились в переход, и здесь было темно, почти безлюдно, только редкие прохожие шарахались от них в стороны, видя вооруженных людей.

— Быстрее! — крикнул Кротов, и они побежали по длинному коридору, тускло освещенному редкими лампами. За спиной слышались шаги, топот множества ног, и Ева поняла, что погоня продолжается.

Они свернули за угол, и Кротов резко остановился, вжавшись в стену. Ева сделала то же самое, пытаясь отдышаться и понять, что происходит. Где-то впереди раздавались глухие удары, и металлический скрежет, словно кто-то выбивал дверь.

— Они отрезают нам путь, — прошептал Кротов, и его глаза лихорадочно блеснули в полумраке. — Ева, слушай меня. Нам нужно разделиться. Ты бежишь к выходу на улицу Нежинского, там стоит черный внедорожник. Ты сядешь в него и никуда не выйдешь, пока не услышишь мой голос. Поняла?

— Но как же ты? — спросила она, чувствуя, как страх сжимает грудь.

— Я догоню, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что она поверила. — Беги!

Ева рванула вперед, не оглядываясь, слыша за спиной выстрелы и крики. Сердце выпрыгивало из груди, воздух обжигал легкие, но она бежала, не чувствуя ног, как будто кто-то невидимый толкал ее вперед, направляя, указывая путь.

Она вылетела на улицу и увидела черный внедорожник, стоящий в тени дома. Дверца была приоткрыта, мотор работал, и из салона доносился приглушенный голос.

Ева подбежала к машине, дернула дверцу и хотела уже запрыгнуть внутрь, когда сильная рука схватила ее за запястье и дернула назад. Она вскрикнула и обернулась, готовая бороться, но увидела перед собой мужчину.

Вот он, тот, кого она видела во сне. Высокий, широкоплечий, с идеально выбритым лицом, жесткими чертами и пронзительными серыми глазами, которые горели ярче любого огня. На нем был черный костюм, идеально сидящий по фигуре, и в руках он держал пистолет, направленный куда-то в сторону, но готовый выстрелить в любой момент.

— Ева, — сказал он, и его голос был таким же, как в ее воспоминаниях, низким и бархатным, с легкой хрипотцой, от которой по коже пробегали мурашки. — Ты жива.

Она хотела спросить, кто он, почему знает ее имя, но слова застряли в горле. И тогда она сделала единственное, что могла в тот момент — она шагнула к нему, закрывая глаза, и почувствовала, как его руки обхватили ее, прижимая к твердой груди.

— Ты в безопасности, — сказал он, и в его голосе дрожала такая нежность, что Ева чуть не разрыдалась. — Я не позволю им причинить тебе вред. Никогда больше.

Она подняла голову и посмотрела в его глаза, в которых отражался свет уличных фонарей, превращая серый лед в расплавленное серебро.

— Кто ты? — прошептала она, хотя уже знала ответ.

Он улыбнулся, и эта улыбка была такой горькой и такой прекрасной, что сердце Евы сжалось от боли.

— Я тот, кто любил тебя все эти годы, — сказал он, и его пальцы коснулись ее щеки, стирая слезу, которую она даже не заметила. — Я Александр Воронов, и я пришел за тобой.

Ева смотрела на него, чувствуя, как мир переворачивается, как прошлое и настоящее смешиваются в одну вязкую массу, из которой невозможно выбраться. Она знала, что должна ненавидеть этого человека, должна убить его, как когда-то решила. Но вместо этого она шагнула еще ближе, прижимаясь к нему, как к единственному источнику тепла в этом ледяном мире.

— Увези меня отсюда, — сказала она, чувствуя, как ее собственная воля тает, уступая место чему-то более древнему и сильному. — Увези туда, где меня никто не найдет.

Александр кивнул, и в его глазах промелькнула такая решимость, что Ева поняла: он готов уничтожить мир ради нее.

Он открыл дверцу внедорожника и помог ей сесть, а затем сам занял место за рулем. Машина рванула с места, врезаясь в темноту ночи, и Ева смотрела в зеркало заднего вида, где город медленно исчезал, поглощенный снегом и мраком.

Она не знала, что ждет ее впереди. Не знала, сможет ли когда-нибудь простить этого человека или убить его, как было приказано. Но она знала одно: она никогда не забудет эту ночь, этот миг, когда ее жизнь разделилась на «до» и «после».

Снег падал за окном, крупный и мокрый, и Ева закрыла глаза, позволяя себе на мгновение забыть о страхе, о боли, о ненависти. Она просто была рядом с мужчиной, который держал ее за руку, и в этой простой близости было больше правды, чем во всех расследованиях мира.

— Расскажи мне все, — сказала она, не открывая глаз. — Когда мы приедем, ты расскажешь мне правду. Всю правду.

Александр сжал ее пальцы и кивнул, и хотя она не видела его лица, она знала, что он улыбается.

— Когда мы приедем, я расскажу тебе все, — сказал он тихо. — И тогда ты решишь, убить меня или простить.

Машина мчалась по ночной трассе, увозя их в неизвестность, оставляя позади горящий город и прошлое, которое они оба пытались забыть. Но Ева знала: прошлое никогда не умирает. Оно просто ждет своего часа.

И ее час настал.

Глава 2. Дорога в никуда

Снег валил такой стеной, что казалось, будто весь мир растворился в молочной белизне, оставив лишь узкий круг света от фар, в котором танцевали миллионы ледяных кристаллов. Чёрный внедорожник Александра Воронова скользил по трассе бесшумно и мощно, как хищник, привыкший двигаться в темноте, не оставляя следов. Ева сидела на пассажирском сиденье, вжавшись спиной в мягкую кожу, и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает мышцы, уступая место странной, почти болезненной опустошённости. Она не смотрела на Александра, предпочитая наблюдать за тем, как снегопад поглощает огни уходящего позади города, но краем глаза всё равно замечала его руки на руле — сильные, с длинными пальцами, которые сжимали кожаный обод с такой спокойной уверенностью, будто он вёл машину не по занесённой трассе, а по ровной поверхности собственной воли.

В салоне царил тишина, нарушаемая лишь мерным шумом двигателя да щелчками дворников, которые безуспешно пытались справиться с налипающим снегом. Отопление работало на полную мощность, но Еву всё равно бил озноб — не столько от холода, сколько от той внутренней дрожи, что начала сотрясать её с той самой минуты, как она услышала взрыв, увидела пламя и поняла, что её жизнь больше не принадлежит ей. Она перевела взгляд на профиль Воронова — чёткий, словно вырезанный из камня, с волевым подбородком и глубокой морщиной между бровей, которая придавала его лицу выражение вечной сосредоточенности. На вид ему было чуть за сорок, хотя в глазах таилась такая усталость, что можно было дать все пятьдесят. Тёмные волосы, тронутые ранней сединой на висках, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб, который, казалось, вмещал в себя все тайны мира, но не спешил ими делиться.

— Ты смотришь на меня так, будто я призрак, — сказал он внезапно, не поворачивая головы, и в его голосе послышалась едва заметная усмешка, которая, впрочем, не коснулась губ. — Или будто я сейчас исчезну, и весь этот кошмар окажется сном.

Ева вздрогнула, пойманная с поличным, и поспешила отвернуться, уставившись в заснеженное окно, где кроме собственного бледного отражения не было ничего, кроме бесконечной белой пустоты.

— Может быть, так и есть, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Может быть, я сплю уже десять лет, и всё, что произошло — от смерти отца до этой безумной погони — просто плод моего больного воображения.

Александр коротко хмыкнул, и этот звук, лишённый всякой насмешки, прозвучал скорее как признание.

— Если это сон, то он снится нам обоим, — сказал он, и его пальцы чуть сильнее сжали руль, так что побелели костяшки. — И поверь мне, Ева, я бы многое отдал, чтобы проснуться и обнаружить, что ничего этого не было. Что той ночи не было. Что я не убивал, не предавал, не стирал тебе память, как ненужную надпись на доске. Но мы оба знаем: прошлое не стирается. Оно лишь ждёт, пока мы перестанем бояться на него взглянуть.

Слова его упали в тишину салона тяжёлыми камнями, и Ева почувствовала, как они застревают у неё в груди, царапая изнутри, заставляя дыхание сбиваться. Она повернулась к нему, вглядываясь в его профиль с такой жадностью, словно хотела прочитать между строк его лица ответы на все вопросы, которые мучили её последние десять лет.

— Тогда расскажи мне, — попросила она, и в голосе её проскользнула такая мольба, что она сама испугалась собственной уязвимости. — Расскажи, что произошло в ту ночь. Расскажи, почему я ничего не помню. Расскажи, кто такой Архитектор и почему он охотится на меня. И самое главное... — она запнулась, чувствуя, как пересохло в горле, но всё же выдавила из себя: — почему ты спас меня тогда, а теперь пришёл снова.

Александр молчал долгую минуту, и за это время внедорожник успел проехать несколько километров, оставляя за собой лишь размытые следы на снегу, которые тут же заметала метель. Когда он заговорил, голос его был низким и глухим, словно он вытаскивал слова из самого себя, из того тёмного места, куда не любил заглядывать.

— Десять лет назад я работал в группе специального назначения, которая занималась ликвидацией особо опасных преступных сетей, — начал он, и в его тоне появилась та ровная, почти механическая отстранённость, которую Ева часто слышала у ветеранов, вспоминая войну. — Нас было семеро. Мы внедрялись в разные структуры, собирали информацию, устраняли цели. Никто не знал наших настоящих имён, мы работали под прикрытием и не имели права на ошибку. Одна из наших операций касалась сети, которую возглавлял человек, известный нам как Куратор. Он управлял огромным бизнесом по торговле оружием, наркотиками, влиянием. И его правая рука, его стратег, его мозг — это был твой отец, Сергей Николаевич Морозов.

Ева замерла, чувствуя, как мир начинает кружиться вокруг неё. Она хотела перебить, закричать, сказать, что это ложь, что её отец был честным человеком, который работал инженером на заводе и растил её одну после смерти матери. Но слова застревали в горле, потому что где-то в глубине сознания она знала: это правда. Она всегда чувствовала какую-то фальшь в историях отца о его командировках, его странных друзьях, его ночных звонках. Просто она никогда не хотела видеть этого.

— Продолжай, — выдавила она, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но отказываясь позволить им пролиться. — Рассказывай дальше.

Александр бросил на неё быстрый взгляд, в котором промелькнула боль, и снова уставился на дорогу.

— Мы работали над этой операцией почти два года, — сказал он. — Я был внедрён в окружение Куратора под видом специалиста по безопасности. Мне удалось завоевать доверие твоего отца. Он считал меня своим протеже, своим учеником. И в какой-то момент я понял, что он не просто участник сети — он был её главным архитектором. Он строил схемы, придумывал пути отмывания денег, выстраивал коррупционные цепочки. Он был гениален в своей преступности. Но у него была одна слабость — ты.

Ева вздрогнула, услышав это, и инстинктивно прижала ладонь к груди, словно пыталась защитить сердце от следующего удара.

— Я? — переспросила она. — При чём здесь я?

— Он любил тебя, Ева, — сказал Александр, и в голосе его послышалась горечь. — Он любил тебя так сильно, что готов был уничтожить весь мир ради твоей безопасности. Но именно эта любовь и погубила его. Когда операция по захвату сети была назначена, он узнал о ней. Кто-то из наших слил информацию. И он решил бежать. Бежать с тобой.

Александр замолчал, и Ева услышала, как он глубоко выдохнул, собираясь с силами.

— В ту ночь мы должны были взять всех. Семь объектов, семь целей, — продолжил он. — Но твой отец оказался хитрее. Он вывел тебя из дома, посадил в машину и пытался уехать. Мы перехватили его на выезде из города, в старом промышленном районе. Началась стрельба. Я попытался остановить его, хотел взять живым, чтобы он дал показания против Куратора. Но он открыл огонь. И мы были вынуждены ответить.

Ева закрыла глаза, чувствуя, как перед внутренним взором встаёт та самая картина, которую она всегда пыталась прогнать: тёмный коридор, вспышки, крики. Теперь к ней добавились новые детали — лица, голоса, запах пороха и крови.

— Ты был там, — прошептала она. — Ты стрелял в моего отца?

Александр молчал так долго, что Ева уже начала думать, будто он не ответит. Но он наконец произнёс:

— Я не знаю. Правда. В той суматохе, в том хаосе... я видел, как он упал. Но кто именно нажал на курок — я не могу сказать с уверенностью. Я пытался пробиться к нему, чтобы вытащить его, но было слишком поздно. А потом я увидел тебя. Ты стояла в углу, сжавшись в комок, и смотрела на нас расширенными от ужаса глазами. Тебе было шестнадцать, Ева. Всего шестнадцать.

Ева почувствовала, как слёзы всё-таки прорвались, скатываясь по щекам горячими дорожками, оставляя на коже солёный след. Она не пыталась их скрыть, не вытирала, позволяя им течь свободно, как той ночи, которую она не могла вспомнить, но которая всё равно жила в ней.

— И что ты сделал? — спросила она, и голос её сорвался на шёпот.

— Я забрал тебя оттуда, — ответил он просто. — Я вынес тебя на руках, посадил в свою машину и увёз. Я знал, что если ты останешься, тебя убьют — либо наши, чтобы устранить свидетеля, либо люди Куратора, чтобы отомстить. Я не мог этого допустить. Поэтому я сделал единственное, что мог, — я обратился к людям, которые умели стирать память. Это была рискованная и незаконная процедура, но другого выхода не было. Я должен был защитить тебя от правды, которая могла тебя уничтожить. И я стёр все твои воспоминания о той ночи. О твоём отце. Обо мне.

Ева слушала его, и каждая фраза врезалась в сознание, как нож, как удар, как приговор. Она хотела ненавидеть его за это — за то, что он лишил её права знать, за то, что он решил за неё, как ей жить. Но вместо ненависти она чувствовала что-то другое: странное, тёплое, почти благодарное чувство к этому человеку, который пожертвовал всем, чтобы спасти её от той же участи.

— А что стало с Куратором? — спросила она, вытирая слёзы рукавом и пытаясь вернуть себе хоть немного самообладания. — Его поймали?

Александр покачал головой, и его лицо окаменело ещё сильнее.

— Нет. Он исчез. Как сквозь землю провалился. Мы думали, что он мёртв, что его устранили конкуренты или собственные люди. Но теперь, судя по всему, он вернулся. Или кто-то, кто действует от его имени. Архитектор — это не просто прозвище, Ева. Это был позывной твоего отца. Он был Архитектором. А убийца, который сейчас охотится на нас, использует его методы, его схемы. Он мстит за твоего отца. Или продолжает его дело.

Ева смотрела на Александра, и в голове у неё всё смешалось: боль, страх, гнев и это необъяснимое, почти запретное влечение к мужчине, который сидел рядом, держал в руках её судьбу и смотрел на неё так, будто она была центром его вселенной.

— Значит, ты хочешь сказать, что мой отец... что он был преступником? — спросила она, и голос её дрожал, но она держалась. — Что он продавал оружие, убивал людей, разрушал жизни?

Александр повернулся к ней, и в его глазах она увидела такую глубокую, такую пронзительную печаль, что сердце её сжалось.

— Твой отец делал ужасные вещи, Ева, — сказал он тихо. — Но он делал их ради тебя. Каждое его преступление, каждая сделка, каждый шаг в этой тёмной игре — всё это было для того, чтобы обеспечить тебе будущее. Он хотел, чтобы ты никогда не узнала, откуда взялись деньги, на которые ты училась, жила, мечтала. Он хотел, чтобы ты считала его героем. И в каком-то смысле он был им — для тебя. Но для остального мира... он был чудовищем.

Ева закрыла лицо руками, чувствуя, как реальность обрушивается на неё всей своей тяжестью. Она сидела в машине, в снегу, в ночи, рядом с человеком, который когда-то спас ей жизнь, и пыталась переварить то, что её отец, которого она боготворила, был убийцей. И что она сама стала мишенью, потому что видела то, чего не должна была видеть.

— А теперь Архитектор убивает всех, кто был причастен к той операции, — произнесла она, поднимая голову и встречаясь с ним взглядом. — Всех, кроме нас. Почему? Почему он оставил нас на десерт?

Александр усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи, что Ева поняла: он знает ответ, но боится его произнести.

— Потому что он хочет, чтобы мы встретились, — сказал он. — Он хочет, чтобы мы нашли друг друга, и тогда... тогда он сможет убить нас вместе. Или заставить нас убить друг друга. Ты ведь получила приказ, верно?

Ева замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Она не говорила ему о приказе. Никто не говорил. Но он знал.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Я знаю всё, что происходит в мире спецслужб, Ева, — ответил он, и в его голосе зазвучала сталь. — Кто-то из твоего начальства работает на Архитектора. Именно он дал тебе этот приказ. И он ждёт, когда ты его исполнишь. Когда ты убьёшь меня.

Ева почувствовала, как внутри неё всё переворачивается, как ненависть, которую она питала к нему все эти годы, смешивается с ужасом и отчаянием. Она хотела что-то сказать, возразить, но он опередил её:

— Но ты не убьёшь меня, Ева. Я знаю это. Потому что если бы ты хотела, ты бы уже сделала это в ту минуту, когда я появился перед тобой. Ты не убиваешь человека, который держит тебя за руку, чувствуя, как дрожит твоё сердце. Ты не убиваешь человека, который смотрит на тебя так, как смотрю я.

Она смотрела на него, и в груди разливалось странное тепло, заглушающее боль и страх. Она не понимала, что это за чувство, но знала: оно сильнее любого приказа, любой логики, любого прошлого.

— Мы приехали, — сказал Александр, сворачивая с трассы на узкую просёлочную дорогу, которая вела в лес, где среди вековых сосен уже виднелись очертания большого дома, утопающего в снегу.

Ева выдохнула, чувствуя, как напряжение наконец отпускает её, уступая место усталости и странному, почти мирному спокойствию. Она не знала, что ждёт её в этом доме, в этой ночи, в этом бесконечном снегопаде. Но она знала одно: она не одна.

И это было важнее всех ответов, которые ей предстояло найти.

— Спасибо, — сказала она тихо, когда он заглушил двигатель и повернулся к ней, встретившись с ней взглядом. — Спасибо за то, что спас меня тогда. И за то, что пришёл сейчас.

Александр улыбнулся, и впервые за всё время его улыбка была искренней — мягкой, тёплой, почти мальчишеской.

— Я всегда буду приходить за тобой, Ева, — ответил он. — Даже если весь мир против нас. Даже если ты сама решишь меня убить. Я всё равно буду здесь.

Он вышел из машины и обошёл её, открывая дверцу. Снег хрустел под его ногами, ветер трепал полы его пальто, но он не обращал на это внимания, протягивая ей руку. Ева взяла её, чувствуя тепло его ладони, и шагнула в белую тишину, оставляя позади всё — страх, сомнения, боль.

Они шли к дому, и их следы тянулись за ними двумя параллельными линиями, пересекаясь и разбегаясь, как их судьбы, которые переплелись десять лет назад и теперь не могли существовать порознь.

Ева не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли она найти Архитектора, простить отца, разгадать тайну своей памяти. Но она знала одно: рядом с этим мужчиной она чувствовала себя живой. Впервые за десять лет — по-настоящему живой.

И ради этого чувства она была готова бороться, убивать и даже умирать.

Глава 3. Дом в лесу

Дом оказался внутри гораздо больше, чем казался снаружи — архитектурный обман, который Ева оценила бы в других обстоятельствах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.